

Глава 26. Слухи о возвращении домой

Е Линьфэн погрузился в раздумья. Даже если благодаря подвигам в Оленьем городе он внезапно прославится и станет притчей во языцех среди заклинателей — это не беда.

Он рассудил так: когда слухи достигнут апогея, он просто выкинет какой-нибудь номер, устроит эффектный «разворот на триста шестьдесят» и обрушит свою репутацию в бездну. Например: «Тот самый юноша, что помог великому бессмертному Юэ спасти Олений город, на поверку оказался распутником и дебоширом» или «Герой-праведник или деградировавший мажор: каково истинное лицо молодого господина Е?».

Пока он мысленно набрасывал варианты заголовков, прикидывая, какой из них будет забавнее, до его слуха донеслись обрывки разговора за соседним столиком.

— Эй, слышали, что в Павильоне бессмертной музыки творится?

— Что там еще? В Павильоне? Сейчас же все только и трубят, что о нечисти из Оленьего города.

Е Линьфэн замер. Павильон бессмертной музыки? Неужели ему и пальцем шевелить не пришлось, а слава о его похождениях уже разлетелась по свету? Неужели тот недавний кутеж принес плоды так быстро?

— Эх ты, темнота... — Мужчина за соседним столом придвинулся ближе к собеседникам. Он старался говорить вполголоса, но Е Линьфэн слышал каждое слово так отчетливо, будто ему шептали прямо в ухо. — Говорят, в деле Оленьего города всё не так просто. И Павильон там замешан по самые уши.

— То есть ты хочешь сказать?..

— Ты ведь знаешь, что ту заразу извели двое?

— Ну еще бы! Про одного-то мы не впервые слышим — это великий бессмертный по фамилии Юэ. Говорят, он в одиночку пришиб девятифутового змея-демона в городке Туцю!

— И как по-твоему: кто был опаснее? Тот змей из Туцю или таинственная тварь из Оленьего города, что развела целую армию недоделанных прихвостней?

— Ну... главного виновника из Оленьего города вроде как взяли живьем, а змея — прикончили на месте. Значит, змей был посильнее? Но если та нечисть была такой слабой, почему же другие бессмертные господа с ней не совладали?

— Хе-хе, не совладали? Да они просто тупицы! Слишком закоряченные и правильные. Против хитрого и пронырливого врага нужно выставлять молодежь. Гляньте сами: стоило великому бессмертному Юэ взяться за дело, как всё решилось!

Худой мужчина, внимательно слушавший рассказ, отхлебнул чаю с недоверчивым видом:

— И всё-таки, при чём тут Павильон бессмертной музыки?

— Задам тебе лишь один вопрос: ты знаешь, кто был вторым спутником господина Юэ? Как он выглядит, откуда взялся? — Рассказчик явно наслаждался своей осведомленностью и, не дожидаясь ответа, выпалил: — Это же Павильон специально приставил к великому Юэ своего человечка. Маленький такой заклинатель, хрупкий красавчик, белоручка... Говорят, от него за версту благоухает, кожа нежнее нефрита, а в лицо глянешь — и разум потеряешь. Тьфу! Неужто ты и впрямь думаешь, что его взяли нечисть гонять?

— Ого... Настолько хорош? А портрета нет? Выходит, это... «подарок» господину Юэ от Павильона? Чтобы, значит, ублажал и прислуживал в дороге?

Е Линьфэн поперхнулся чаем. Он приложил нечеловеческие усилия, чтобы не закашляться и не выдать себя.

Оказывается, он недооценил воображение и сплетнические таланты народных масс.

Между тем за его спиной продолжали лить патоку:

— Да всё как раз наоборот! Этот «цветочек» — мужчина. Понимаешь? Мужчина! С чего бы бессмертному Юэ на парней заглядываться? Всё куда прозаичнее: этот юнец — личный наложник самого владельца Павильона, Бессмертного господина в демонической маске! Владелец, видать, захотел потешить своего фаворита, вот и пристроил его к господину Юэ — мир посмотреть, да славы чуток отщипнуть для солидности.

— И откуда ж ты такие интимные подробности выкопал? Небось, старая зазноба из Павильона нашептала?

— Ха! Бери выше. Мне зазнобы не нужны, я в те дни как раз мимо Оленьего города проезжал и всё видел собственными глазами! Если бы не моя железная выдержка да верность жене, я бы и сам голову потерял от того прелестника, что пригрелся в постели Бессмертного господина в демонической маске!

— Неужто сам видел?! Эй, так чего мы ждем? Нужно найти художника, пусть нарисует пару карточек, чтобы и мы глаза порадовали. Кто краше: он или их главная прима?

Раздался резкий хруст — фарфоровая чашка в руке Е Линьфэна разлетелась вдребезги.

Путешествуя инкогнито, он давно научился скрывать свою ауру. К тому же, чтобы не светиться лишней раз, он носил широкополую шляпу-доули, скрывавшую уши и бабочку, с которой спускалась плотная черная вуаль. Он казался почти незаметным. Но когда чашка лопнула, привлекая внимание трактирщика, сплетники за соседним столом подпрыгнули от неожиданности.

— Мать честная! — воскликнул один. — Ты когда здесь уселся? Прямо как призрак, напугал до смерти.

Е Линьфэн молча снял шляпу, являя миру свой роскошный облик, над которым так потрудился Янькун. Он надеялся, что этот вид заставит болтунов прикусить языки.

В ответ по залу пронесся отчетливый вздох, а следом — опять приглушенный шепот соседей.

— Эй, старина Чжан, гляди... Если сравнить ту твою «постельную игрушку» Бессмертного господина в демонической маске с этим расфуфыренным «небожителем» за соседним столом, кто краше будет?

— Кхм... Ну... Тут и сравнивать нечего! Жаль, не было тебя там, а то бы не спрашивал. У меня и слов-то не хватит описать... В общем, тот — настоящий небожитель, у него аура чистая, неземная. Он же человек Бессмертного господина в демонической маске, такие питаются росой да солнечным светом. Не то что этот... Сидит тут, понимаешь, в одиночку уминает тарелку тофу с луком.

Е Линьфэн отложил палочки. На душе было муторно. Он изо всех сил делал вид, что оглох.

«Подумаешь, тофу с луком! Я еще целую жареную курицу заказал, просто ее еще не принесли! И если бы я не боялся, что нынешнее тело слишком бурно реагирует на снадобья и алкоголь, я бы еще и кувшин вина осушил!»

К столу подсади новые посетители. С приближением сумерек чайная наполнялась народом, становилось тесно и шумно. Темы разговоров виляли, уходя всё дальше в дебри: от сплетен мира культиваторов до обсуждения того, кто из красавцев первый в поднебесье. Фантазии людей, никогда не видевших героев вживую, становились всё более нелепыми.

В конце концов, Е Линьфэн успокоился. Поразмыслив, он пришел к выводу, что ситуация, хоть и сделав странный крюк, вырулила именно туда, куда он хотел. Настроение было двояким: вроде и скверно, а вроде и «не было бы счастья, да несчастье помогло».

Он перепробовал столько стратегий: дебоширил в Павильоне бессмертной музыки, нарывался на неприятности с почтенными мастерами и демоническими владыками... Он думал, что план по самодискредитации провалился и придется начинать сначала. Но оказалось, что стоило ему просто плыть по течению и ничего не предпринимать, как это лицо и этот наряд сами всё за него сделали, вызвав шквал злобных и грязных домыслов.

Он задумчиво потер подбородок. Неужели этот облик действительно перекрывает по значимости все его добрые и дурные дела, совершенные за время пути?

Пока он размышлял, подоспел заказ. Официант с громким выкриком водрузил на стол долгожданную жареную курицу, а в придачу — плошку водянистой каши из кукурузной муки.

Избавившись от вуали, Е Линьфэн наконец-то смог нормально поесть. Каша была разбавлена водой столько раз, что почти не имела вкуса, зато курица удалась на славу: корочка хрустела, мясо таяло во рту, а мелкие косточки легко крошились на зубах. Никаких приправ не требовалось — аромат и так был божественным.

После событий в Оленьем городе и бешеной гонки за приключениями это была его первая полноценная трапеза за последние десять дней. Сначала в Оленьем городе попросту не было мяса, потом он насмотрелся на массовые суициды домашней птицы и скота, что напрочь отбило аппетит. Но теперь голод взял свое.

По идее, для заклинателя переход к полному воздержанию от пищи — лишь вопрос времени. Хотя для большинства это не было строгим обетом, все подсознательно старались ограничивать себя в мирских желаниях ради успеха в культивации.

Прежнего Е Линьфэна учили так же. Каждый раз, возвращаясь в Помесье семьи Е, он вынужден был смотреть, как другие уплетают жирные деликатесы, в то время как отец и тетюшка запрещали ему мясо «ради его же блага».

«Сколько раз повторять: мы культиваторы, а не монахи, нам можно мясо!» — сколько бы он ни твердил это, толку не было, и ему приходилось вознаграждать себя за страдания в другое время.

Теперь всё изменилось. Е Линьфэн твердо решил бросить путь бессмертных и податься в демоны, так что больше не было нужды сдерживаться. Хочется есть — ешь.

Кстати о доме: если завтра он найдет хорошую лошадь, то успеет вернуться в Помесье семьи Е до конца месяца.

Не обращая внимания на всё более бредовые байки за соседним столом, Е Линьфэн орудовал палочками быстро, но не теряя изящества. Он обглодал курицу до последней косточки, аккуратно сложил их на край тарелки, расплатился и, вновь накинув вуаль, отправился к своей лошади.

Коня он купил недавно. Использовать меч для долгих перелетов было слишком накладно — тратилось много сил, да и контроль мог подвести, так что Е Линьфэн решил чередовать скачку и полеты.

Согласно сюжету «Божественной книги», через несколько месяцев отец объявит на семейном пиру, что его сын, Е Линьфэн, станет следующим главой рода. Помыслы отца в книге были описаны весьма недвусмысленно:

[— Линьфэн, ты уже много лет практикуешь в ордене Шэньтянь, но я вижу, что душа у тебя к этому не лежит. Никаких особых высот ты не достиг, так что давай-ка завязывай с этим. Пусть культивация станет твоим хобби, понимаешь? Поговори со своим учителем, главой ордена Ло, и возвращайся домой. Пора учиться тому, что должен знать глава семьи Е. Когда я состарюсь, всё это станет твоим. Не разочаруй меня.]

[— Отец, когда вы отправляли меня в орден Шэньтянь, разве глава Ло и вы не говорили, что путь заклинателя — это отрешение от мирских забот? Если вы хотели сделать меня наследником, зачем тогда отправили меня в горы на целых десять лет?]

[— Дерзость! Ты как с отцом разговариваешь? Я же для твоего блага стараюсь! Если бы заклинателям нельзя было вмешиваться в дела смертных, чего бы вы тогда носились повсюду, спасая народ? Оставили бы всё властям!]

[— Власти-то, может, и рады бы вмешаться, да силёнок не хватает...]

[— Ты?! Опять пререкаешься? Видно, давно палки не пробовал!]

Даже просто читая эти строки, Е Линьфэн воочию видел своего упрямого папашу, который в любой непонятной ситуации был готов схватиться за первый попавшийся под руку инвентарь.

В книге прежний Линьфэн не был готов к такому повороту. Он и сам верил, что талантов у него маловато, ведь он не блистал успехами, как тот же старший молодой господин Юэ. В культивацию он пошел лишь по воле семьи, и хотя назначение его задело, он не посмел пойти против воли родителя.

Но нынешний он...

Е Линьфэн усмехнулся. В этот раз отцу придется разочароваться.

Если он пойдет на поводу у родителя и возглавит род, это будет равносильно тому, что он собственноручно отдаст всё семейное имущество отвратительному человеку с сомнительным прошлым, который хотел захватить его тело!